

СОВРЕМЕННАЯ АНГЛОЯЗЫЧНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В СССР В 1941–1945 гг.

А. А. Пасс

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия. pass_andrey@mail.ru

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 19-09-00185*

Проанализированы зарубежные публикации на английском языке, которые касались преступлений экономической направленности, имевших место в СССР в период 1941 – 1945 гг. Охарактеризованы взгляды западных ученых на ключевые положения действовавшей в то время законодательной базы. Отражены дискуссии о сущности, причинах, субъектах и объектах, а также последствиях хозяйственных правонарушений. Представлены мнения о способах их выявления, расследования и пресечения. Воспроизведены оценочные суждения американских и британских исследователей о степени эффективности сталинской юстиции в лице контролирующих органов, силовых структур и судов в противодействии мошенникам, расхитителям и взяточникам. Особое внимание уделено таким вопросам, как «партийное правосудие», процедура возмещения нанесенного ущерба, вербовка осведомителей. По результатам исследования сформулированы выводы, которые могут служить методологическими ориентирами при написании специальных трудов по заявленной теме.

Ключевые слова: *зарубежная историография, английский язык, Вторая мировая война, СССР, экономическая преступность.*

Непреложным правилом для страны, вовлеченной в крупномасштабное и продолжительное военное противостояние, является введение жесткого нормирования стратегически важных ресурсов и государственного регулирования цен. Производство и распределение подчиняются интересам обороны. Как следствие, в тылу возникает дефицит предметов первой необходимости, что крайне негативно сказывается на уровне жизни населения. Среди некоторых категорий граждан получают распространение «компенсаторные» делинквентные формы поведения – участие в запрещенных торговых операциях, растраты, присвоение общественного имущества. Особую социальную опасность представляют злоупотребления руководителей своими служебными полномочиями в корыстных целях. Если их своевременно не пресекать, то причиненный совокупный вред может быть сопоставим с ущербом от действий вражеской армии.

Несомненный интерес представляет отношение к данной проблеме американских и британских исследователей, поскольку, во-первых, и США, и Англия были активными участниками Второй мировой войны и союзниками СССР, во-вторых, именно в этих странах с укорененной рыночной экономикой, развитой предпринимательской культурой и глубокими демократическими традициями оказались с наибольшей полнотой

воплощены принципиальные подходы к формированию антикоррупционного правосознания и соответствующих юридических норм. В известной мере позиция западной академической науки в вопросе о хозяйственных правонарушениях, совершавшихся в период Второй мировой войны, может служить критерием для их объективной интерпретации и оценки современными российскими обществоведами.

Первым собственную точку зрения сформулировал социолог из университета штата Индиана Эдвин Сатерленд в сочинениях: «Является ли беловоротничковая преступность преступностью?» и «Беловоротничковая преступность» [Sutherland: 1945; 1949]. Начинание поддержал Маршалл Клинард, который с 1942 по 1945 гг. состоял в штате Федерального управления США по надзору за ценами в Вашингтоне. Его перу принадлежит обзор «Криминологические теории нарушения правил военного времени» и монография «Черный рынок: изучение беловоротничковой преступности» [Clinard: 1946; 1952]. Некоторые наблюдения и выводы американских ученых актуальны и сегодня.

В частности, им удалось выяснить, что каждая десятая коммерческая фирма, связанная с розничными и оптовыми продажами, осуществляла сомнительные сделки. Причины заключались в следующем: 1) практическом отсутствии контроля за исполнением законов военной экономики, в

частности, из-за недостатка квалифицированных кадров; 2) несоответствии легкости наказания (штрафы, замечания, предупреждения) тяжести совершенного деяния; 3) очевидной двойственности в оценке соблюдения правил торговли и регулирования цен на потребительские товары. Так, общественность поддерживала эти меры, поскольку они позволяли гарантировать наемным работникам определенный прожиточный минимум, а парламентарии и судьи всячески противились тому, чтобы их знакомые «дельцы» предстали перед судом за нарушение соответствующих норм и всячески демонстрировали нежелание «делать преступников из уважаемых людей».

Исследователи считали «черный» рынок и «беловоротничковую» преступность во время войны симптомом социальной дезорганизации, проявляющейся в том, что отдельные слои общества по-разному воспринимали базовые ценности. В человеческих отношениях доминировало отчуждение, а жизненные цели и устремления бизнесменов, менеджеров корпораций и профессиональных политиков сводились исключительно к финансовой выгоде. Осуществляемые ими махинации тщательно готовились, проводились в несколько этапов разными исполнителями, информация о них хранилась в тайне. Поэтому доказать факт противоправной деятельности зачастую не представлялось возможным. Однако было установлено, что в результате нарушения ограничений цен и норм распределения потребители и налогоплательщики США в 1941–1945 гг. понесли финансовые убытки, многократно превышавшие потери от общеуголовной преступности.

В свете изложенного актуально утверждение американского историка И. Бирмана о том, что и в России в период войны сложилась атмосфера, способствующая распространению так называемой «второй» или нелегальной экономики. В эти годы общественное мнение, продолжая осуждать тех, кто ворует у других, почти не осуждает тех, кто ворует у государства [Birman: 1980. P. 9, 10].

В чем заключалась особая опасность подобных настроений для первой в мире страны социализма, показал Г. Гроссман. В работе «Вторая экономика в СССР» он писал: «Распространенность нелегального производства, торговли и взяточничества для личной выгоды и обогащения вместе с другими негативными особенностями системы опровергала такие философские основы советского общества как солидарность населения, партийное руководство, моральное превосходство строителей коммунизма над бур-

жуазным сознанием. Это дискредитировало Советский Союз в качестве лидера прогрессивных революционных сил, вело к цинизму и беззаконию как в государстве, так и в правящей партии» [Grossman: 1977. P. 37].

С началом «перестройки» интерес зарубежных ученых к проблематике Великой Отечественной войны заметно возрос. В. Москофф свою монографию «Хлеб скорби» посвятил продовольственному обеспечению в воюющем СССР. Отдельно им были рассмотрены типичные преступления в этой сфере [Moskoff: 1990. Pp. 171–176]. Обобщив прессу военных лет, свидетельства американских дипломатов, работавших тогда в нашей стране, воспоминания эмигрантов «второй волны», он пришел к заключению, что наиболее распространенными являлись манипуляции с карточками и воровство с предприятий, причем подобных нарушений закона «было много». В научный оборот вводилась необычная версия, согласно которой массовое поступление на рынок поддельных карточек снижало их цену. Мошенники уподоблялись альтруистическому Робин Гуду, облегчавшему доступ для населения к столь необходимым продуктам питания.

Подверглись анализу решения Государственного Комитета Обороны и Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов (от 22 января и 1 февраля 1943 г. соответственно), направленные на усиление борьбы с расхищением и разбазариванием продовольственных и промышленных товаров. Отмечался рост активности органов Госторгинспекции, получивших дополнительные полномочия и расширенный штат сотрудников, что, однако, не позволило им осуществить тотальные проверки. Сообщалось о вербовке 600 тысяч общественных контролеров, которые должны были следить за деятельностью столовых, магазинов, складов и баз, а также подсобных хозяйств предприятий.

Результативность предпринятых мер В. Москофф оценил не высоко, назвав информаторов фанатиками режима, а всех остальных – страдальцами, которые соблюдали «заговор молчания» и воровали не из корысти, а потому что голодали и хотели выжить. По этой же причине потерпели фиаско действия властей по предотвращению многочисленных краж урожая с колхозных полей, несмотря на угрозу 10-летнего срока лишения свободы или расстрела по Закону от 7 августа 1932 г.

Рассадником преступлений, нарушавших существующий механизм распределения благ, было отчаяние, но это никак не отразилось на эффек-

тивности военных усилий – таков окончательный вердикт исследователя. Заметим, что из поля его зрения выпал феномен широко распространенной «начальственной преступности», который плохо вписывается в предложенную концепцию.

Питер Соломон, опираясь на материалы российских архивов, изучил функционирование «сталинской» юстиции. Первое издание его книги на английском языке вышло в свет в 1996 году [Solomon: 1996]. Спустя два года появилась и русскоязычная версия [Соломон: 1998]. Автор отметил, что война резко обострила кадровую проблему в судах и прокуратуре, многие образованные и опытные специалисты оказались в армии. Им на смену пришли демобилизованные по ранению фронтовики рабоче-крестьянского происхождения, не успевшие закончить даже средней школы и не имевшие никаких познаний в юриспруденции. Вследствие этого качество подготовки уголовных дел, в том числе о хищениях государственной собственности, снизилось. Так, в конце 1943 г. оправданием обвиняемого завершался каждый четвертый судебный процесс.

П. Соломон отразил эволюцию советского уголовного законодательства, направленного на обеспечение сохранности имущества физических и юридических лиц, и пришел к заключению, что в 1926–1947 гг. его репрессивный характер неуклонно усиливался. Поворотным пунктом стал 1932 г. когда были введены необычайно суровые кары для расхитителей «социалистической собственности». Очередной пик ужесточения пришелся на предвоенную пору. По Указу Президиума Верховного Совета СССР от 10 августа 1940 г. «Об уголовной ответственности за мелкие кражи на производстве и за хулиганство» для рабочих, уличенных в воровстве, полагался 1 год тюремного заключения, тогда как раньше за подобный проступок выносилось общественное порицание при условии возмещения вреда, либо увольнение с работы и исключение из профсоюза. В монографии содержится здравая мысль о подспудном сопротивлении этим нововведениям со стороны судебно-прокурорского корпуса, который обладал своим пониманием справедливости и целесообразности, и возможностей у него для противодействия диктату высшего руководства в сталинский период, включая войну, было больше, чем в годы правления Н.С. Хрущева и Л.И. Брежнева.

С 2000 г. по 2012 г. британский университет Уорика в Ковентри выпускал научный альманах PERSA о советско-российской истории¹. Его

¹ Эта аббревиатура расшифровывается как «Политико-экономические исследования в советских архивах» (прим. А. П.).

отличительной чертой стала фундированность представленных материалов и выводов.

Йорам Горлицкий рассмотрел кражи «при Сталине» сквозь призму анализа прав собственности [Gorlizki: 2001]. Характеризуя Закон от 7 августа 1932 г., трактовка которого была расширена в годы Великой Отечественной войны², он остановился на его теоретико-правовых аспектах. Во-первых, произошло уравнивание в статусе государственной, колхозной и кооперативной собственности. В отношении ее расхитителей, объявленных «врагами народа», предусматривалась высшая мера – смертная казнь с конфискацией имущества. Во-вторых, вводилось различие между кражей общественной и индивидуальной собственности. Последняя наказывалась куда менее строго.

Рассуждая об августовском указе 1940 г., исследователь верно заметил, что он явился сдерживающим фактором для тех работников, которые считали незначительное воровство с территории завода достаточной причиной для официального увольнения и обретения личной мобильности. Однако развитие ситуации привело к порочной практике, когда к обыкновенным «несунам» применялись более жесткие санкции, чем к представителям уличного «блатного» мира.

Одно из достоинств данной публикации состоит в презентации статистической таблицы о числе лиц, осужденных за кражу государственного имущества, служебные злоупотребления и преступления в сфере торговли в СССР в 1939–1944 гг., включая женщин и подростков до 16 лет. Она очень информативна, поэтому воспроизведем ее целиком:

Год	Всего случаев краж гос. им-ва	Из них % совершенных		Кол-во преступлений в сфере обслуживания
		женщинами	подростками до 16 лет	
1939	140787	9, 7%	5, 5%	118536
1940	171194	12, 5%	3, 5%	121292
1941	181443	14, 3%	4, 3%	123138
1942	193527	30, 3%	7, 4%	80866
1943	216608	41, 8%	7, 2%	88778
1944	248668	43, 4%	6, 9%	101048

² Тогда он начал применяться во всех случаях систематического хищения продуктов питания, семенного фонда и грузов на транспорте вне зависимости от степени организованности и размеров похищенного (прим. А. П.).

К сожалению, какие-либо комментарии по поводу этих данных в тексте отсутствуют. Между тем, если в последний довоенный год на две упомянутые категории населения приходилось 16 % всех зарегистрированных преступлений экономической направленности, то к концу войны при увеличении общего количества делитов почти в 1,5 раза, уже каждый второй совершался представительницами «слабого» пола или детьми. Объясняется это крайней нуждой, которую испытывали семьи, оставшиеся без кормильцев, и снисходительностью Фемиды к близким родственникам красноармейцев, что, в известном смысле, могло быть провоцирующим началом. Нельзя сбрасывать со счетов изворотливость злостных расхитителей и спекулянтов, вербовавших малолетних, их матерей и беспризорников в свое криминальное сообщество, чтобы таким способом самим избежать ответственности.

Один из докладов, размещенных в PERSA Андреем Маркевичем, называется «Дилемма диктатора: наказывать или помогать? План провалов и вмешательств при Сталине» (указанная дилемма возникала при обсуждении провинностей хозяйственных и партийных руководителей из высшей номенклатуры) [Markevich: 2007a]. В нем повествуется о деятельности Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б). По заведенному в те годы порядку, именно этот институт определял судьбу проштрафившихся и решал, предавать их суду или дать шанс исправиться. Немаловажным обстоятельством являлась профессиональная квалификация фигурантов.

В течение 1940–1944 гг. количество рассмотренных на коллегии КПК персональных дел начальников, подозреваемых в воровстве, мошенничестве или взятке увеличилось в 5 раз – с 2 до 10, хотя заседаний, посвященных экономическим вопросам, например, невыполнению оборонных заказов, стало меньше (соответственно 125 и 74). Однако, на 1944 г. приходится и рекордное число «либеральных» вердиктов без вынесения наказаний или предупреждений.

Обобщая приведенные сведения, А. Маркевич делает оправданный вывод о том, что к концу войны партийные следователи проявляли большую склонность доверять подопечным, а находившиеся в их арсенале средства принуждения, по-видимому, были ограничены распоряжением сверху. Это позволяет говорить о мягких бюджетных рамках и случайном характере наказания в отношении особо ценных агентов при диктаторском режиме.

Высказанную мысль А. Маркевич развивает в следующей статье «Сколько контроля достаточно? Мониторинг и правоприменение при Сталине» [Markevich: 2007b] о представителях КПК на местах, которые имели полномочия проверять даже прокуратуру. Многие из них получали сигналы о злоупотреблениях со стороны отдельных руководителей, но умение последних справляться с напряженными планами производства было зачастую важнее, чем «кара за грехи». Более того, накануне войны инспекторы получили указание «решать возникающие вопросы в тесном контакте с областными властями, а в Бюро КПК обращаться только в серьезных случаях». Слишком ретивый контролер вполне мог и сам стать объектом преследования. Судя по всему, перед полицентричной системой ревизионных органов, действовавших в условиях военного времени, не ставилась цель строгого соблюдения социалистической законности. Скорее она предназначалась для того, чтобы компрометирующими материалами и угрозами мобилизовать администрацию предприятий на самоотверженную работу во имя победы над врагом.

Изучению «партийного суда» при Сталине, его отличию от аналогичных гражданских процедур посвящена работа Евгении Беловой и Валерия Лазарева «Избирательное правосудие: партийный контроль при Сталине» [Belova: 2009a]. Авторы отмечают, что у партии не было намерения превратить своих членов, пусть даже совершивших подлог или растрату, в отверженных изгоев. Им хотели лишь преподать урок, но отнюдь не уничтожить. В этом выражалось предвзятое отношение к элите, которое учитывалось и в общем судопроизводстве, где иногда (очень редко) оказывались дела высокопоставленных обвиняемых.

Чаще же всего меры взыскания сводились к внушению, понижению в должности или переводу из членов в кандидаты ВКП(б). Даже самое суровое воздействие – исключение из партии – в каждом пятом случае отменялось через подачу апелляции. В этой связи у авторов возникло недоумение: почему не все исключенные обжаловали решения вышестоящей партийной инстанции, а сама процедура не превратилась в механически-рутинную. Чуть строже Коллегия КПК подходила к жалобам на вынесение необоснованных выговоров. Если в 1943 г. удовлетворили 18 % таких обращений, то в 1946 г. только 10 %. Партийные следователи понимали, что чрезмерная снисходительность могла обернуться вседозволенностью.

В публикации помещены данные о том, что в течение 1939–1947 гг. партбилета лишилось

74660 человек, из них 5248 (0,07 % от общего числа коммунистов в стране) пострадало за коррупционные деяния и присвоение казенных средств. Это столько же, сколько за насилие в семье, и, соответственно, в 2, 5 и в 3, 3 раза меньше, чем за прогулы и политические преступления. Хотя известно, что правонарушения, продиктованные корыстными соображениями, в тылу встречались довольно часто.

Статью Е. Беловой и В. Лазарева выгодно отличают конкретные примеры того, как и за какие хозяйственные проступки наказывали по партийной линии в годы войны ответственных работников. Партбилета могли лишиться: за личное обогащение посредством незаконных сделок с вверенным имуществом; за присвоение денег, пожертвованных в фонд Красной Армии; за нарушение порядка заготовок и закупок зерна для государства; за неоднократные и серьезные нарушения партийно-государственной дисциплины.

Любопытно перечисление стандартных и достаточно эффективных приемов, применявшихся попавшими под подозрение чиновниками для того, чтобы избежать преследования. Среди них: просьба о покровительстве в адрес ведомственных или местных органов власти, с которыми ранее были установлены неформальные доверительные отношения; выдвижение встречных претензий к инициаторам разбирательства; акцентирование внимания на некорректности самой процедуры обвинения (например, отсутствие ее согласования с вышестоящим руководством, использование ошибочных или неподтвержденных данных); перекладывание ответственности на заместителей. В то же время отмечается стремление сталинского режима к «оптимальной справедливости» для своих сторонников, которых, в отличие от простых тружеников, не сажали в тюрьму «за горсть зерна», а предоставляли возможность реабилитироваться.

В содружестве с Полом Грегори Евгения Белова подготовила еще одно эссе «Политэкономия преступности и наказания при Сталине» [Belova: 2009b], в котором частично был реализован когнитивный потенциал неонинституциональной теории, именуемой «экономика преступлений и наказаний» (родоначальник – нобелевский лауреат 1992 г. Гэри Беккер).

Ученые построили математическую модель сталинских правоохранительных органов и предположили, что режим, генерирующий власть через репрессии, не придавал особого значения ни издержкам на содержание спецслужб, ни мотивациям правонарушителей при оценке ими рисков и

выгод от совершения преступлений. Отсюда беспрецедентно жесткие наказания за хищения государственности, в сочетании со слабыми усилиями по возмещению ущерба от них. Первое объясняется компенсацией за низкую вероятность разоблачения¹, а также тем, что эксцессы подобного рода заразительны, и если их не пресекать, могут повлечь ощутимые убытки в народном хозяйстве и даже стать политической проблемой. Второе связано со сложностью оформления и взыскания иска специально обученными людьми, тогда как подготовленные кадры необходимы в других отраслях плановой экономики. В итоге уголовное наказание за экономические преступления, в том числе и в военные годы, превратилось в лотерею с высокими ставками, которая зависела от удачи, связей и других случайностей.

Подтверждением пристального внимания современных западных исследователей к заявленной проблеме являются работы доктора философии из университета Гласборо (США) Дж. Хайнца. Одна из них, озаглавленная «Осведомители и государство в информативных каналах позднего сталинизма и преступления против социалистической собственности» [9] затрагивает военное время. В ней показаны усилия МВД и прокуратуры по организации эффективных сетей тайных информаторов для предотвращения и искоренения экономической преступности.

Самую многочисленную группу составляли обычные люди, считавшие своим долгом сообщать властям о творящихся безобразиях. Среди них встречались служащие – бухгалтеры, товароведы, руководители среднего звена, но были и уборщики, официанты, ночные сторожа и др. Иногда в сексоты попадали оказавшиеся в разработке подозреваемые, которым обещали прощение в обмен на сотрудничество с милицией. Их показания заносились в формуляры для последующей проверки. Наиболее активных привлекали к сотрудничеству на постоянной основе. Это был второй уровень, называемый резидентурой. Один резидент мог координировать работу

¹ По подсчетам авторов в предвоенный период она не превышала 1–4 %, а в войну, скорее всего, была еще ниже, потому что главный инструмент сталинской юстиции – признательные показания подозреваемого – практически не работал при расследовании преступлений в экономической сфере. Напротив, казнокрады и мошенники использовали, и не без успеха, любую возможность, чтобы замести следы. Удобным поводом к прекращению или отправке дела на дознание служила подделка или порча отчетных документов, а также многочисленные процессуальные нарушения, о причинах которых уже говорилось выше. Нередко папки с доказательной базой попросту «терялись» в бюрократических тенетах. (Прим. А. П.)

нескольких десятков рядовых осведомителей. Дополняли схему агенты «под прикрытием», профессиональные сыщики, внедряемые на предприятия или в учреждения, откуда поступали тревожные сигналы. Катастрофические последствия немецкого вторжения (мобилизация, оккупация, эвакуация) парализовали работу сети, и ее пришлось восстанавливать практически с нуля. Это удалось сделать очень быстро. Если на начало 1942 г. на оперативном учете в отделах по борьбе с хищениями социалистической собственности состояло 42 тыс. информаторов, то к 1944 г. их насчитывалось уже 140 тыс.¹ Благодаря полученным от добровольных помощников данным только в 1943 г. на аферистов и казнокрадов было заведено 98400 уголовных дел.

Однако имелись и проблемы. Как правило, раскрывались незначительные кражи и должностные преступления, большинство же крупных махинаторов оставались незамеченными до тех пор, пока они сами не теряли бдительности от ощущения безнаказанности. Плохо была налажена конспирация контактов оперативников с осведомителями, из-за чего нарушалось их инкогнито, и они подвергались остракизму или насилию со стороны преступного элемента. Часть информаторов занималась двурушничеством, предоставляя ложные сведения. Пользуясь расположением органов, они возвращались на криминальную стезю и уводили сообщников из-под удара.

Другая статья Дж. Хайнцена «Коррупция и кампании против взяточничества в период военного и послевоенного сталинизма, 1943–1953 гг.» [Хайнцен: 2011] любопытна сюжетной линией о мздоимстве среди советского чиновничества, которое особенно выросло после 1943 г., Исследователь констатирует трудности в определении его абсолютного уровня, поскольку в статистическую отчетность попадало мало случаев. Среди причин называется вынужденная миграция населения, бедность, острый недостаток жилья, еды и транспорта, дестабилизация судебной системы, расстройство снабжения. Подчеркивается суровость законов против спекуляции, способствовавших увеличению числа арестов и подталкивавших народ «покупать пощаду для обвиняемых» у служителей закона.

Однако исследователь делает многозначительную оговорку по поводу того, что незакон-

¹ Во многом это объясняется расформированием экономических подразделений Народного комиссариата госбезопасности, его объединением с НКВД, и возложением всей полноты ответственности за обуздание хозяйственной преступности на областные управления БХСС. (прим. А. П.).

ные вознаграждения чиновникам давали простым людям возможность «маневрировать» в обществе, за которым надзирала огромная, репрессивная, самовольная государственная администрация, и тем самым преодолевать канцелярскую волокиту. Высказывается мнение, что одним из центральных аспектов темы должен быть анализ деятельности правоохранительных органов, являвшихся главными «следователями» и «обвинителями» взяточничества, а также первыми в ряду получения взяток.

М. Харрисону принадлежит утверждение о том, что в годы войны директора советских заводов прибегали к мошенничеству при составлении сводок о выполнении плана. Областные комитеты партии якобы тоже были заинтересованы в искажении посылаемой в центр отчетности, чтобы не уронить собственный авторитет, а также репутацию хорошо знакомых им организаторов производства. Ученый привел конкретный пример такого очковтирательства [Harrison: 2011].

Челябинский танковый завод № 255 в последний день августа 1943 г. рапортовал о стопроцентном завершении месячной программы, тогда как фактически этого удалось добиться только через две недели. Соответственно, очередное задание оказалось под угрозой срыва. При личной встрече секретарь обкома поручил руководителю предприятия ликвидировать отставание к 5 октября, а уже 2-го, то есть на 3 дня раньше условленного срока, администрация завода телеграфировала в Москву о превышении контрольных цифр сентября на 0,3 %. На самом деле заявленный объем производства был достигнут лишь к середине октября. Однако наркомат танковой промышленности, основываясь на полученных данных, посчитал возможным присудить трудовому коллективу третью премию за победу во всесоюзном социалистическом соревновании. Свести «концы с концами» помогла выдуманная история о вынужденных простоях в четвертом квартале. По свидетельству М. Харрисона, рабочие сообщили государственному инспектору о недобросовестности своего начальства, но ревизионные органы явных нарушений не увидели. Поскольку подобные ухищрения были не редки, они не воспринимались проверяющими как преступления.

Подытоживая, можно сказать, что историки из США и Великобритании не рассматривали экономическую преступность и борьбу с ней в Советском Союзе в годы Великой Отечественной войны как самостоятельный предмет исследования. Эта проблематика присутствовала в их сочинениях в виде сопутствующих сюжетов, на-

пример, функционирования карточной системы или институтов сталинской юстиции в лице суда, прокуратуры, Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б), наркомата внутренних дел. Тем не менее, опора на аутентичные источники позволила им опровергнуть некоторые распространенные в массовом сознании стереотипы и сделать ряд выводов, имеющих значение методологических ориентиров.

Во-первых, региональные власти в тот период обладали собственным видением криминогенной ситуации в хозяйственной сфере и критически воспринимали ведомственные директивы по поводу способов ее разрешения. Во-вторых, чрезвычайные законы, которые были направлены на обеспечение неприкосновенности общественной собственности, вызывали побочные социальные эффекты, в значительной степени нивелировавшие их полезность. К числу последних можно отнести криминализацию сознания и поведения большой массы людей. В-третьих, репрессивный аппарат действовал волнообразно и избирательно. С одной стороны он ориентировался на продиктованные «зlobой дня» постановления

центра, а с другой – принимал во внимание происхождение и статусную позицию обвиняемого. При этом возмещение издержек, связанных с привлечением к ответственности расхитителей и взяточников, не являлось приоритетным соображением. В-четвертых, ключевой фактор успеха правоохранителей в их противоборстве с теневыми дельцами заключался не столько в профессиональном мастерстве, сколько в наличии разветвленной сети секретных сотрудников и добровольных помощников, сообщавших о подозрительных транзакциях. В-пятых, компетентные органы были поражены коррупцией, которая объяснялась, в основном, объективными причинами. Она позволяла определенной части злоумышленников уйти от возмездия. Вместе с тем, и простые граждане, и руководители, использовали ее в качестве неформального канала для бесконфликтного разрешения возникавших бытовых и производственных коллизий.

К высказанным мнениям нельзя относиться как к истине в последней инстанции. Их подтверждение, а равно опровержение требует дополнительных архивных изысканий.

Список литературы

1. Belova E., Gregory P. Political economy of crime and punishment under Stalin // *Public Choice*. 2009a. № 140. P. 463–478.
2. Belova E., Lazarev V. Selective Justice: Party Control Under Stalin // *PERSA Working Paper*. 2009b. № 58. 42 p.
3. Birman I. Second and First Economies and Economic Reforms (In Russian) / Conference on «The Second Economy of the USSR». Janiary 24-25. Washington, 1980. 34 p. PP. 9-10.
4. Clinard M.B. Criminological Theories of Violation of Wartime Regulations // *American Sociological Review*, 1946. № 11, pp. 258-270.
5. Clinard M. B. *The Black Market: A Study of White-Collar Crime*. New York: Holt, Rinehart, 1952. 392 p.
6. Gorlizki Y. Theft Under Stalin: A Property Rights Analysis // *PERSA Working Paper*. 2001. № 10. 31 p.
7. Grossman G. The «Second Economy» of the USSR // *Problems of Communism*. Sept-Oct 1977. Pp. 25-40. P. 37.
8. Harrison M. Forging Success: Soviet Managers and Accounting Fraud, 1943 to 1962 // *Journal of Comparative Economics*. 2011. Vol. 39. № 1. 45 p.
9. Heinzen J. Informers and the State under Late Stalinism Informant Networks and Crimes against «Socialist Property». 1940–1953. // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2007. Volume 8. Number 4. PP. 789-815.
10. Хайнцен Дж. Коррупция и кампании против взяточничества в период военного и послевоенного сталинизма, 1943–1953 гг. // *Новейшая история России*. 2011. № 1. С. 82 – 96.
11. Markevich A. The Dictator's Dilemma: to Punish or to Assist? Plan Failures and Interventions under Stalin // *PERSA Working Paper*. 2007a. № 51. 40 p.
12. Markevich A. How Much Control is Enough? Monitoring and Enforcement under Stalin // *PERSA Working Paper*. 2007b. № 53. 19 p.
13. Moskoff W. *The Bread of Affliction*. Cambridge, 1990. 256 p. PP. 171 – 176.
14. Solomon P. H. *Soviet Criminal Justice under Stalin*. Cambridge, Cambridge University Press, 1996. 494 p.

15. Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М.: РОССПЭН, 1998. 464 с.
16. Sutherland E.H. Is «White Collar Crime» Crime? // American Sociological Review. 1945. Issue 10. pp. 132–139.
17. Sutherland E.H. White Collar Crime. New York: Dryden Press, 1949. 272 p.

Сведения об авторе

Пасс Андрей Аркадьевич – профессор кафедры политических наук и международных отношений, доктор исторических наук, Челябинский государственный университет
pass_andrey@mail.ru

Magistra Vitae.

2019. No 2. P. 90–98.

MODERN ENGLISHSPEAKING HISTORIOGRAPHY ABOUT ECONOMIC CRIME IN THE USSR IN 1941–1945

A. A. Pass

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. pass_andrey@mail.ru

Foreign publications in English that deal with economic crimes that took place in the USSR between 1941 and 1945 are analyzed. The views of Western scientists on the key provisions of the legislative framework in force at that time were characterized. Discussed reflects on the nature, causes, subjects and objects, as well as the consequences of economic offenses. Opinions are presented on how to identify, investigate and suppress them. The estimated judgments of American and British scholars on the degree of effectiveness of Stalinist justice in the person of controlling bodies, law enforcement agencies and courts in countering fraudsters, robbers and bribes are reproduced. Particular attention is paid to such issues as “party justice”, the procedure for redressing damage, and the recruitment of informants. Based on the results of the study, conclusions are formulated that can serve as methodological guidelines for writing special works on a stated topic.

Keywords: *foreign historiography, English, World War II, USSR, economic crime.*

References

1. Belova E., Gregory P. (2009). *Political economy of crime and punishment under Stalin*, in: Public Choice, 140, pp. 463–478. (in Eng.).
2. Belova E., Lazarev V. (2009). *Selective Justice: Party Control Under Stalin*, in: PERSA Working Paper, 58, 42 p. (in Eng.).
3. Birman I. (1980). *Second and First Economies and Economic Reforms*, in: Conference on «The Second Economy of the USSR». January 24-25. Washington, 34 p, pp. 9-10. (In Russ.).
4. Clinard M. B. (1946). *Criminological Theories of Violation of Wartime Regulations*, in: American Sociological Review, 11, pp. 258-270. (in Eng.).
5. Clinard M. B. (1952). *The Black Market: A Study of White-Collar Crime*. New York: Holt, Rinehart, 392 p. (in Eng.).
6. Gorlizki Y. (2001). *Theft Under Stalin: A Property Rights Analysis*, in: PERSA Working Paper, 10, 31 p. (in Eng.).
7. Grossman G. (1977). *The «Second Economy» of the USSR*, in: Problems of Communism. Sept-Oct., pp. 25-40, p. 37. (in Eng.).
8. Harrison M. (2011). *Forging Success: Soviet Managers and Accounting Fraud, 1943 to 1962*, in: Journal of Comparative Economics. Vol. 39, 1, 45 p. (in Eng.).
9. Heinzen J. (2007). *Informers and the State under Late Stalinism Informant Networks and Crimes against «Socialist Property». 1940–1953*, in: Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. Volume 8, 4, pp. 789-815. (in Eng.).
10. Hajncen Dzh. (2011). *Korruptsiya i kampanii protiv vzyatochnichestva v period voennogo i poslevoennogo stalinizma, 1943–1953 gg.* [Corruption and campaigns against bribery during the period of

military and post-war Stalinism, 1943–1953], in: *Novejshaya istoriya Rossii* [The latest history of Russia], 1, pp. 82–96. (in Russ.).

11. Markevich A. (2007). *The Dictator's Dilemma: to Punish or to Assist? Plan Failures and Interventions under Stalin*, in: PERSA Working Paper, 51, 40 p. (in Eng.).

12. Markevich A. (2007). *How Much Control is Enough? Monitoring and Enforcement under Stalin*, in: PERSA Working Paper, 53, 19 p. (in Eng.).

13. Moskoff W. (1990). *The Bread of Affliction*. Cambridge, 256 p, pp. 171 – 176. (in Eng.).

14. Solomon P. H. (1996). *Soviet Criminal Justice under Stalin*. Cambridge, Cambridge University Press, 494 p. (in Eng.).

15. Solomon P. (1998). *Sovetskaya yusticiya pri Staline*. [Soviet justice under Stalin], Moscow, ROSSPEN, 464 p.

16. Sutherland E.H. (1945). *Is «White Collar Crime» Crime?*, in: *American Sociological Review*, 10, pp. 132–139. (in Eng.).

17. Sutherland E.H. (1949). *White Collar Crime*. New York, Dryden Press, 272 p. (in Eng.).